

Валиахметов Альберт Наилевич

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ЛЕГИОНА)

В центре внимания автора статьи – отношения между чехословацкими legionерами, с одной стороны, австрийцами и венграми – с другой. Эти отношения часто переходили в конфликт, который разрешался насилием. Причиной конфликта были не только национальные предрассудки, но также и борьба за конкретные политические цели. Подобная "национальная" подоплека придавала противоборству особый характер и несколько отличала его от других противостояний, развернувшихся в России в тот период.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 32-34. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

9. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Уаланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расовой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
11. Панов П. В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 230 с.
12. Подхомутникова М. В. Неформальные политические практики в современной России: субъекты институционализации: автореф. дисс. ... к. полит. н. Краснодар, 2010. 28 с.
13. Старцев Я. Ю. Личностно-ориентированные взаимодействия в государственном и муниципальном управлении // Александров А. А., Зерчанинова Т. Е., Самков К. Н. и др. Органы власти в системе социальных взаимодействий: социологический, политический и управленческий анализ. Екатеринбург: УрАГС, 2009. С. 31-59.
14. Утенков Г. Н. Федерализм: политические идеологии и политические практики // Власть. 2011. № 1. С. 81-84.
15. North D. C. The Contribution of the New Institutional Economics to an Understanding of the Transition Problem [Электронный ресурс]. URL: http://www.wider.unu.edu/publications/annual-lectures/en_GB/AL1/ (дата обращения: 23.11.2012).
16. O'Donnell G. Another Institutionalization: Latin America and Elsewhere [Электронный ресурс]. URL: <http://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/222.pdf> (дата обращения: 05.02.2013).

INFORMAL POLITICAL PRACTICES: CONCEPTUALIZATION PROBLEMS

Budko Diana Anatol'evna
St. Petersburg State University
dianabudko@mail.ru

The author considers the ways of conceptualizing the notion "informal political practices", traces the change in the approach to the notion from the point of view of such theories as old institutionalism, structural functionalism and neoinstitutionalism, and analyzes the possibilities of determining informal political practices taking into account not only the deformation in public administration (corruption, favoritism, clientela), but cultural features, traditions and moral standards adopted in a certain country.

Key words and phrases: informal political practices; neoinstitutionalism; structural functionalism; formal structure; institutionalism.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В центре внимания автора статьи – отношения между чехословацкими легионерами, с одной стороны, австрийцами и венграми – с другой. Эти отношения часто переходили в конфликт, который разрешался насилием. Причиной конфликта были не только национальные предрассудки, но также и борьба за конкретные политические цели. Подобная «национальная» подоплека придавала противоборству особый характер и несколько отличала его от других противостояний, развернувшихся в России в тот период.

Ключевые слова и фразы: национальные отношения; Чехословацкий легион в России; чехословацкие легионеры; интернационалисты; военнопленные; гражданская война в России; «малая гражданская война».

Валиахметов Альберт Наилевич, к.и.н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
albert80@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ЛЕГИОНА)©

В начале 1990-х годов историк Ю. А. Поляков дал следующее определение гражданской войне в России: «это длившаяся около 6 лет вооруженная борьба между различными группами населения, имевшая в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия, проходившая при активном вмешательстве иностранных сил в различные этапы и стадии, принимавшая различные формы, включая восстания, мятежи, разрозненные столкновения, крупномасштабные военные операции с участием регулярных армий, действия вооруженных отрядов в тылу существовавших правительств и государственных образований, диверсионно-террористические акции» [7, с. 32-33]. Говоря о «социальных, национальных и политических противоречиях», Ю. А. Поляков имел в виду, прежде всего, противоречия в российском обществе. Однако гражданская война в России имела столь сложный характер, что смогла вместить в себя и противоречия иного рода. В рамки событий, происходящих в России в 1917-1920 гг., уместилась т.н. «малая гражданская война»: в данном случае под этим понятием мы понимаем вооруженное противоборство народов, населявших Австро-Венгрию (включая борьбу чехословацких легионеров с чехословацкими интернационалистами).

Корни конфликта кроются в стремлении чешского народа вести борьбу за свою самостоятельность. Одним из инструментов этой борьбы были чехословацкие легионы, образованные в некоторых европейских странах. Самый крупный из них действовал в России. Основу первого воинского подразделения, т.н. Чешской дружины, составили чехи, проживавшие в России. Чехи-поселенцы в первые же дни войны выступили с идеей поддержки славянства: «Победа России в этой войне, с точки зрения чехов, могла привести к распаду Австро-Венгерской империи и восстановлению независимости Чешского королевства, потерянной в XVII столетии. Вполне понятна ориентация чешского освободительного движения на Россию. Однако чехи не желали оставаться лишь зрителями битвы и обратились к русскому правительству с просьбой о создании чешского воинского подразделения» [8, с. 5]. Чехами двигало желание «добиться независимости Чехословакии. Именно это было целью всего движения <...> Стронники национальной идеи желали одного – скорее на Запад, разгромить Габсбургов и создать Чехословакию. Именно они составляли костяк корпуса» [6, с. 4, 5].

Борьба за создание самостоятельного Чехословацкого государства обнажила национальные противоречия, которые существовали в Австро-Венгрии. Чехи считали главными противниками в этой борьбе Австро-Венгрию и Германию. При этом они переносили негативное отношение к политическим институтам этих стран на отдельных представителей нации. С начала мировой войны пропаганда чехов и словаков, проживающих в России, опиралась на гуситские традиции и преподносила борьбу против Австро-Венгрии как «законную месть за триста лет народного угнетения» [16, с. 59]. В дальнейшем аргументация чехословацкой пропаганды сводилась к «борьбе за самостоятельное чехословацкое государство, борьбе с немцами и мадьярами» [Ibidem, с. 65]. Победа Германии и Австро-Венгрии не сулила чехам ничего хорошего: они полагали, что, выступая на стороне Германии, «ставят крест, на котором будет распят наш народ» [13, с. 7].

В сознании чехов участие в мировой войне превращало чехов в «борцов за свободу». Восстановление статус-кво или поражение в войне превращало их «изменников», которые «выступили против своего императора»: вступая в легион и направляясь на фронт, чехи рисковали вдвойне, так как австро-венгерские власти рассматривали их «как перебежчиков из своей армии на сторону противника, а известно, что с перебежчиками в военное время не шутят» [4, с. 11]. Вступление в войну на стороне противника стран Четверного Союза грозило неминуемой опасностью: чехам-разведчикам, пойманым на фронте австро-венгерскими войсками, грозил смертный приговор за измену [12, с. 63]. Австрийские генералы установили премию за каждого чехословака – 400 крон [17, с. 7].

Однако это не снижало решимость чехословацких солдат, которые готовы были «воевать не на жизнь, а на смерть против ненавистной, гнилой Австрии» [11, с. 49]. 2 ноября 1916 года, давая торжественную присягу при вступлении в Чешскую бригаду, легионеры «подтвердили, что готовы умереть за свою дорогую родину» [Ibidem, с. 48].

Вряд ли чехи, находясь в России, сознательно искали конфликта с немцами, австрийцами или венграми, желая «выяснить отношения». Однако в тех случаях, когда до конфликта всё же доходило, он, как правило, имел трагический финал для его участников.

Приведем фрагмент из воспоминаний чешского легионера В. Каплицкого: «Из здания Совета пленных вели на вокзал. Одним из последних шел седой солдат в австрийской гимнастерке, со свалывшимися усами. Он выглядел больным или раненым: передвигался с большим трудом. Конвой, шедший сзади, постоянно его подгонял. Пленный то ли не мог, то ли не хотел идти быстрее. Что-то буркнул по-венгерски. – Мадьяр? – удивился конвой, и длинный русский штык вонзился в спину пленному. Его острое вышло из груди венгра» [5, с. 88]. В. Каплицкий писал, что чехословацкие добровольцы «относились к большевикам с презрением, однако ненависти, которую они испытывали по отношению к венграм, немцам и особенно к чехам, не было» [Там же, с. 89]. Данный случай не был единичным.

В следовании к своей цели чехословацкие легионеры не щадили даже своих соотечественников: «Весело догорают сухие дрова в костре. Недалеко, на ветвях старого дуба качаются тела тех, у кого были другие идеалы (*чешские интернационалисты, красногвардейцы, захваченные во время боя в Пензе Скотак, Очешек и Постшилл – А. В.*). В чешской истории подобное уже случалось. В глубине человеческой души таится дикий зверь. Никто не знает, когда он проснётся» [Там же, с. 91].

Имеющиеся национальные противоречия стремились использовать различные противоборствующие стороны в России. По словам Й. Патеиделя, во время передвижения Чехословацкого легиона некоторые антибольшевистски настроенные офицеры (он назвал прежде всего генерала М. К. Дитерихса) указывали на «невозможность преодоления технических трудностей при продвижении на восток при разрушении дорог, мостов и туннелей особенно отрядами венгерских и немецких военнопленных» [14, с. 19]. Ясно, что подобного рода утверждения находили благодатную почву в сознании чехословацких легионеров и усугубляли положение.

Большевики также учитывали это обстоятельство: «Особенно активно в это время большевики использовали интербригады в боях против чехов (бригады, сформированные из пленных венгров и австрийцев). Считалось, что «исторические противоречия» между народами некогда единой Австро-Венгерской империи сделают их непримиримыми врагами и на фронтах гражданской войны в России» [9, с. 38]. По этой причине «неминуемые столкновения с отрядами Красной гвардии неожиданно приобрели межнациональный характер, выплеснув наружу многовековую вражду. Именно она породила известный “челябинский инцидент”, когда провокационное поведение возвращающихся на родину австро-венгерских военнопленных привело к убийству одного из них чехословацкими солдатами» [2, с. 17]. В новейшей отечественной историографии приводятся факты, что чехословацкие легионеры в Самаре «арестованных подвергали селекции не только по партийному, но и по национальному признаку», при этом подчеркивается их особо жестокое отношение к мадьярам и латышам [3, с. 26-27].

В то же время в сознании легионеров важное место занимал «антинемецкий», «антиавстрийский» и «антивенгерский фактор»: «Создание поволжского фронта не имело целью интервенцию против России, но лишь обновление восточного антинемецкого фронта (курсив автора – А. В.)» [14, s. 39].

Чехословацкие легионеры «сумели обнаружить» своих противников на Урале и в Сибири. Ф. Штейдлер писал о том, что вооруженные силы Центросибири были составлены из бывших немецких и австрийских военнопленных [15, s. 26]. Й. Климент писал, что на екатеринбургском направлении против них действовали «интернационалисты – прежде всего венгры и чехословацкие коммунисты» [12, s. 90]. Чехословацкие легионеры полагали, что: «Оборонительный бой против советов, прежде всего, позволил предотвратить возвращение ста тысяч немецких и австро-венгерских военнопленных из Поволжья и Сибири» [14, s. 59]. Таким образом, боевые действия в России (в том числе против большевиков) получили своё надлежащее обоснование.

Чехословацкие легионеры крайне болезненно относились к действиям интернационалистов, направленных против Чехословацкого легиона. В. Голечек писал, что местные Советы находились под влиянием интернационалистов (военнопленных немцев, венгров и чехословацких коммунистов), а центральные власти – под влиянием германского посла В. Мирбаха [1, с. 16]. Ф. Штейдлер говорил о «провокациях» со стороны чехословацких коммунистов, а также немецких и венгерских военнопленных, входивших в комиссию по разоружению в Пензе [10, с. 16, 17]. Чехословацкие солдаты увидели в челябинском инциденте «злостную провокацию австрийских пленных, суровое проявление национального недовольства» [15, s. 30-31]. По словам И. Патеядля, Советская власть создала следственную комиссию в Челябинске под давлением клуба интернационалистов [14, s. 27].

Таким образом, изучение историографии Чехословацкого легиона в России позволяет выявить и обозначить новые аспекты истории пребывания и действий чехословацких легионеров в России. Национальный фактор играл важную роль в теории и практике противоборствующих сил. Одной из наиболее трагичных и специфичных страниц истории гражданской войны в России была т.н. «малая гражданская война» (вооруженные столкновения чехословацких легионеров с чехословацкими интернационалистами, а также австрийцами и венграми, которые все вместе считались подданными Австро-Венгрии).

Список литературы

1. Голечек В. Чехословацкое войско в России. Прага: Наша Речь, б.г. 86 с.
2. Иванов А. В. К вопросу о причинах антисоветского выступления Чехословацкого корпуса в 1918 году // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1997. № 4. С. 7-24.
3. История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XX век (1918-1998 гг.). М.: Наука, 2000. 232 с.
4. Какурин Н. Е. Восстание чехословаков и борьба с Колчаком. М. – Л., 1928. 80 с.
5. Каплицкий В. Мыс Горностаёй. Чехословацкие легионеры: новый взгляд. СПб.: Глобус, 2012. 216 с.
6. Левчук А. П. Ещё раз о «Преданном корпусе» (к вопросу о возникновении чехословацкого мятежа) // Из истории революции в России (первая четверть XX в.): материалы всероссийского симпозиума, посвящённого памяти И. М. Разгона. Томск, 1996. Ч. 2. С. 3-12.
7. Поляков Ю. А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32-41.
8. Татаров Б. А. Чешская (Киевская) дружина (август 1914 г. – 1915 г.). М.: Фонд «Русские витязи», 2009. 96 с.
9. Цветков В. Ж. «Интернациональный долг» в гражданской войне // Посев. 1999. № 3. С. 34-38.
10. Штейдлер Ф. Выступление чехословаков в России 1918 года // Вольная Сибирь. Прага, 1928. Т. IV. С. 9-27.
11. Karel Müller. *Vzpomínky. Dokumenty* / uspořádal Dr. J. Kudela. Brno: Moravský Legionář, 1934. 104 s.
12. Kliment J. *Zápisky legionářovy: ze života a bojů na Rusi ve světové válce v letech 1914-1919 / doslov Vladimír Kliment. Středokluky: Zdeněk Susa, 2005. 160 s.*
13. Najbrt V. *Berezovka. Ze zajateckého tábora do řad legií*. Praha: Památníku Odboje, 1924. 99 s.
14. Patejdl J. *Sibiřská anabase: sedmá přednáška cyklu «Československá Revoluce»: proslovena 5. dubna 1923*. Praha: Památník Odboje, 1923. 61 s.
15. Štejdler Fr. *Naše vystopení v Rusku r. 1918*. Praha: Nákladem Památníku odboje, 1923. 86 s.
16. Zabloudilová J. *Příspěvek k tematice propagandy v čs. vojsku v Rusku v letech 1914-1920 // Historie a vojenství. 2000. № 1. S. 56-65.*
17. Ženatý V.B. *Historie a osudy československého vojska na Rusi*. Brno: Družstvo Mor.-slezské revue, 1918. 44 s.

NATIONAL RELATIONS UNDER CONDITIONS OF CIVIL WAR IN RUSSIA (BY EXAMPLE OF CZECHOSLOVAK LEGION)

Valiakhmetov Al'bert Nailevich, Ph. D. in History
Kazan' (Volga Region) Federal University
albert80@mail.ru

The author pays attention to the relations between the Czechoslovak legionaries on the one hand, and the Austrians and the Hungarians – on the other. These relations often turned into conflict that was resolved by violence. The reason of the conflict was not only national prejudice, but also struggle for concrete political goals. This “national” underlying reason gave special character to the confrontation and somewhat differed from other oppositions that happened in Russia at that time.

Key words and phrases: national relations; Czechoslovak Legion in Russia; Czechoslovak legionaries; internationalists; prisoners of war; civil war in Russia; “small civil war”.